

пресс-конференции. Ностальгия — тоска по родине, и никакая другая. Творческой родиной Гинкаса был Ленинград, который, даже став Санкт-Петербургом, не перестает тосковать о самом себе — прежнем, о своих потерях.

В «Пушкине и Натали», под самый конец, умер Дельвиг. Первая потеря поколения...

Нет Опоркова, Ленцевичуса, Падве, с которыми одновременно и вместе начинал Гинкас. В дни фестиваля хоронили Агамирзяна, у которого молодой Гинкас попробовал сделать «Насмешливое мое счастье». Сходятся концы и начала. Театр на Литейном, порог которого Гинкас переступил в середине 60-х, чтобы поставить первый самостоятельный спектакль, и откуда он вышел, приняв последнюю ленинградскую попытку, теперь открыл перед ним двери как перед гостем.

В театре Гинкаса чувство всегда отчуждалось игрой. Непрошенная слеза, поначалу навертывавшаяся на глаза («Приехал...»), высохла; всю фестивальную неделю работал пресс-центр, где

указанном режиссером...

...Как бы словесная основа спектакля — и антитекстовая его сущность...
...Тоска, тоска, тоска, растроженные нервы — и хохот зала, откликающегося на эту тоску — своей...

...Возможность не писать о спектакле словами — и невозможность написать без слов...

Двенадцать лет Гинкас не был в Ленинграде. Поседевший, но не изменившийся, он по-прежнему твердит своими спектаклями: думать, думать, думать, играть. Я мыслю — следовательно... я играю.

Мы играли в его театр неделю. Это была замечательная игра. Гинкас уехал. Мы продолжаем жить. Другой город.

Марина ДМИТРЕВСКАЯ.

Осенние Кама-радости

сильно уставшая редколлегия студенческого журнала «Представление» (в которую вхожу я тоже и к которой присоединились некоторые молодые критики) ежедневно выпускала многостраничный бюллетень «Кама-сутра» (включавший рубрику «Кама с вечера»), отчуждая впечатления профессионально-литературной игрой. Надеюсь, пробег по страницам «Кама-сутр» «Экран и сцена» еще предпримет, а я позволю себе лишь первые заметки об общем впечатлении (хотя хочется — подробно).

Выстроенные в ряд спектакли разных лет («Пушкин и Натали» — 1978, «Записки из подполья» — 1988, «Играем «Преступление» — 1991) обнаружили общую тему с вариациями и развитием — свобода и несвобода. Этим болело все поколение — Опорков, Падве... — этим продолжают «болеть» спектакли Г. Яновской, словом — тема с вариациями.

Тяга к свободе — и обреченная несвобода Пушкина, запертого не столько в Болдине, сколько в самом себе.

Гримаса сконструированной свободы — и несвобода Парадоксалиста, запершего себя в подполье... и в самом себе: Или — в самом себе, а потом — в подполье. Это уже переход к «Преступлению».

Свободная белая комната — клетка — палата — лаборатория — сознание Раскольникова, по которой (по которому) он волен еще метаться, — но несвобода вырваться из пространства себя самого — сознания — лаборатории — клетки.

Сначала — как будто держит Болдино (несвобода внешняя, обстоятельства, 1978 год).

Потом — держит пространство подполья, тобой же и созданное (пошла вторая половина 80-х).

Еще потом — явно не держит ничего, кроме тесного пространства собственного сознания...

С завидным постоянством свобода и несвобода выясняют отношения в спектаклях Гинкаса на крошечной территории, в «Преступлении» она не больше объема головы М. Гротта (светлый бритый череп — вид снаружи, белая комната — вид изнутри).

Можно сойти с ума. Но все три спектакля, слава Богу, не болезненны. Это игра, затеянная человеком, который скорее всего к грани безумия не подходил (слава Богу), и потому ему, знакомому близко с неврастенической рефлексией, все же не страшно играть с тем, с чем другим — опасно.

Может быть, уцелеть ему помогала разновидность безумия — маниакальная страсть к игре и умение отчуждать сумасшествие — театральным приемом, парадоксом. Потому его игры интересны и безопасны для зрительского здоровья. Поэтому их интересно «дешифровать», разбирать, играть с ними. Но они включают в действие лишь особые эмоциональные силы. Восторг здесь окрашен возгласом: «Здорово!»

Свобода... несвобода... И совершенно нет любви. Как категории игры. Но — и жизни. Поколение думало о другом.

В «Пушкине и Натали», сыгранном в «предбаннике» театра, любви тоже нет, но жива лирика.

...Несвобода Пушкина — и абсолютная свобода Гвоздицкого, вольного плыть по течению, правда, в направлении,

МИМОДУМНОСТИ

ДВЕНАДЦАТЬ лет Кама Гинкас не показывал свои спектакли Ленинграду. Теперь, с 28 октября по 4 ноября, приглашенный театром на Литейном, он показал их Санкт-Петербургу.

Двенадцать лет Ленинград не видел Гинкаса. Его увидел Санкт-Петербург, совсем другой город. Который волновался, готовясь к этой встрече. «Ностальгия больше свойственна Ленинграду, чем Москве, а Москве — больше, чем Нью-Йорку», — заметил Гинкас на